

The book cover features a black and white photograph of several hands clasped together in a supportive gesture. The background is dark with a large, stylized red pattern that resembles a traditional Islamic geometric or floral motif. The author's name is at the top, and the title is in the center. A small circular badge with '18+' is in the bottom right corner.

Роза Ганиева

**Психологическое
консультирование**

**В КУЛЬТУРНОМ И ДУХОВНОМ
КОНТЕКСТЕ КЛИЕНТА**

18+

Роза Ганиева

**Психологическое
консультирование в культурном
и духовном контексте клиента**

«Автор»

2023

Ганиева Р. Х.

Психологическое консультирование в культурном и духовном
контексте клиента / Р. Х. Ганиева — «Автор», 2023

В книге на примере конкретных кейсов детско-родительских отношений показана положительная динамика психологической работы, опирающейся на ингушскую культуру и религиозные ценности. Книга рассчитана на широкий круг психологов, педагогов, социальных работников, родителей и всех тех, кто стремится к достаточно хорошим детско-родительским отношениям. Если сказать другими словами: широкому кругу читателей — рекомендуется, для специалистов — обязательна.

© Ганиева Р. Х., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Благодарности	6
Вступительное слово	7
1. Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект или «Папа, я тебя долго ждала!»	9
Введение	9
Случай из практики	12
Консультирование в культурном контексте клиента	15
Консультирование в духовном контексте клиента	17
Заключение	18
Литература	19
References	21
2. Консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента или «Я ни слова не мог произнести...»	23
Введение	23
Случай из практики	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роза Ганиева

Психологическое консультирование в культурном и духовном контексте клиента

Книга печатается по решению Ученого совета Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

Рецензенты:

Хребина Светлана Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Павлова Ольга Сергеевна – кандидат педагогических наук, председатель Правления Ассоциации психологической помощи мусульманам.

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева.

Благодарности

Я признательна всем тем, благодаря кому я не сбилась с пути и не оставила своих поисков, блуждая в изменчивых ландшафтах мира идей, которые в конце концов нашли воплощение на страницах этой книги. Однако, прежде всего, я хочу поблагодарить своих клиентов – тех, кто внес наибольший вклад в это исследование, тех, кто разделял со мной интерес к «присутствию» культурного и духовного в психологическом консультировании. Я хочу выразить особую благодарность тем клиентам, которые любезно позволили мне воспользоваться их историями при написании этой книги. Весь материал, представленный здесь, почерпнут из реальных случаев, однако личные данные клиентов, а также некоторые детали контекста терапии были изменены из соображений конфиденциальности.

Наряду с клиентами я также хочу выразить глубокую благодарность тем, кто щедро делился со мной этнографическим материалом: педагогу, писателю и общественному деятелю Исе Аюповичу Кодзоеву, вице-спикеру Народного Собрания Республики Ингушетия Руслану Хаджибикаровичу Парову, депутату Народного Собрания Республики Ингушетия Курейшу Хаджибикаровичу Цороеву, ведущему научному сотруднику отдела ингушского фольклора и литературы ИнгНИИ Марем Ахметовне Ялхаровой, ученому секретарю ИнгНИИ Лемке Тугановне Агиевой, кандидату юридических наук Мусе Алхастовичу Яндиеву, моему верному и преданному соратнику Тамиле Аламбековне Яндиевой. Я глубоко признательна заведующей кафедрой этнопсихологии МГППУ, председателю Ассоциации психологической помощи мусульманам Ольге Сергеевне Павловой, благодаря усилиям и таланту которой была подготовлена серия публикаций на страницах международного рецензируемого научного журнала «Минбар». Я благодарю своих коллег-психологов Валентину Михайловну Шереметьеву, Анатолия Витальевича Мирошниченко – за их терпение и поддержку на протяжении многих лет, которые потребовались для созревания и оформления в том или ином виде моих идей.

Я спешу выразить признательность директору Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева профессору Нине Мустафаевне Барахоевой, благодаря которой создано поддерживающее и стимулирующее рабочее пространство, сделавшее интеллектуальную работу приятной; Николаю Юрьевичу Ванюкову за его искренний интерес в ответ на предварительное предложение по поводу публикации этой книги, а также Льву Сергеевичу Банакину, выпускающему редактору, без чьей открытости и гибкости этот проект никогда не был бы завершен.

Особая благодарность – моему дорогому брату Ахмеду Хаматхановичу Ганиеву, выпускнику старейшего в мире Университета Аль-Азхар, преподавателю Государственного культурного центра имени Заида в ОАЭ, переводчику и автору множества статей, за неоценимую помощь при подготовке духовной части этого проекта.

И наконец, я выражаю глубочайшую благодарность моим детям Райану и Мухаммаду за их понимание и поддержку даже во время многочисленных «украденных выходных», которые случались на разных этапах работы над текстом книги в процессе подготовки его к публикации.

Вступительное слово

Исследование отдельных случаев (case study) является довольно распространенным «жанром» в психотерапевтической практике и психологическом консультировании. Однако в теоретических трудах специалистов он встречается редко, очевидно потому, что подобного рода работам психологи приписывают весьма низкий научный статус.

«В последнее время, однако, появилось значительное количество методологических работ (FLYVBJERG, 2006; RAGIN, BECKER, 1992; STAKE, 2005; YIN, 2003), авторы которых обосновывают эвристичность и высокий научный потенциал case study, а также ставят вопросы о том, как можно улучшить качество исследований, основанных на анализе отдельных случаев, какие технические процедуры могут повысить достоверность и надежность результатов подобных исследований и т. п.»¹

Исследования case study не позволяют делать статистические обобщения, однако они дают возможность работать с универсальными теоретическими знаниями. Так, Р. Стейк (STAKE, 2005) на материале исследования случаев выделил «естественные (naturalistic) обобщения», которые основаны на личном опыте человека, выводятся из его имплицитных знаний о мире и приводят к формированию тех или иных ожиданий. Подробное описание случая дает читателю информацию для такого типа естественных ожиданий, которые он формирует, задействуя мышление по аналогии.

С. Квале, изучая историю психологии, пришел к выводу, что именно обобщенное знание является результатом анализа отдельных случаев. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить и работу З. Фрейда над индивидуальными случаями как составляющими общих знаний по психологии личности и психопатологии. Если же психоанализ для кого-то выглядит неубедительным, можно вспомнить, что «...экспериментальное исследование запоминания и забывания бессмысленных слогов Г. Эббингауза – тоже было исследованием одного случая – его самого. Исследование когнитивного развития детей Ж. Пиаже начиналось с экспериментов с его собственными детьми. Против частого использования больших выборок и статистики в психологии возражали радикальный бихевиорист Б. Ф. Скиннер и сторонник естественнонаучной „галилеевской“ психологии К. Левин. По мнению К. Левина, именно изучение индивидуальных случаев способно приводить к „усмотрению“ сущностей (ЛЕВИН, 1990)»².

Наша задача не заключается в том, чтобы подорвать ценность теоретических обобщений. Скорее, наоборот: это напоминание о том, что теоретические обобщения – далеко не единственный источник научного познания. Известный историк и методолог науки Томас Кун утверждал, что дисциплина без значительного количества тщательно проведенных исследований случаев – это дисциплина без систематического производства образцовых примеров, которая не может быть признана эффективной.

Преимущество case study заключается в том, что оно очень близко к реальной жизни и позволяет проверять предположения, практически взаимодействуя с феноменами. А реальность, как мы знаем, слишком настойчива, чтобы от нее можно было легко уклониться.

В зависимости от цели научной деятельности ученый может планировать различные типы анализа case study: *иллюстративные случаи, поисковые (пилотажные) исследования, индуктивно-аналитические описательные и теоретические исследования, гипотетико-дедуктивные исследования случая.*

¹ Бусыгина Н. П. Научный статус методологии исследования случаев // Московский психотерапевтический журнал, 2009, № 1. С. 10.

² Там же. С. 12.

«Для исследований случаев удобную схему предлагает Роберт Йин (YIN, 2003). Он выделяет пять основных компонентов исследовательского „дизайна“, ориентация на которые, на наш взгляд, может помочь исследователю планировать и иные, отличные от case study, типы исследовательской работы: 1) исследовательские вопросы; 2) предположения и гипотезы (если они есть), 3) единицы анализа (феномен, его конкретные стороны и аспекты), 4) формы логической связи данных с исследовательскими вопросами и предположениями, 5) критерии интерпретации результатов. Кроме того, в дополнение к этим пятибазовым компонентам, Р. Йин подчеркивает важность прояснения теоретической перспективы исследователя, определения целей исследования, обоснования стратегий отбора случаев и выбора методов и методик сбора данных, а также продумывания общей композиции итогового отчета»³.

Анализ множества научных источников позволяет сделать исчерпывающий вывод: обобщения, полученные на основании изучения отдельных случаев, совершенно корректны. Более того, анализ индивидуальных случаев наряду с обобщающим форматом исследований вносит свой неопределимый вклад в развитие научного знания.

Выдающийся психолог Л. С. Выготский отмечал разрыв между двумя психологиями – «объясняющей» и «понимающей». И сегодня в профессиональном сообществе звучат различные мнения по поводу преодоления разорванности психологии и построения «единой» науки. И есть предположение о том, что эта разорванность своими корнями уходит в противостояние «аристотелевской» и «галилеевской» традиций. Первая методология тяготеет к описанию случаев, и было бы неправильно считать, что ее не интересуют обобщения, а вторая – к поиску общих закономерностей. Основная задача «аристотелевских» исследований – «не зафиксировать абстрактные регулярности, но сделать возможным плотное описание, обобщать не от одного случая к другому (across cases), но в рамках отдельных случаев (within cases)... сделать обобщенные выводы из небольшого количества плотно описанных фактов» [G.GEERZ, CIT. BY: DESSLER, 2003, P.23]⁴.

Исследования случаев можно использовать тогда, когда ученый ставит своей целью проверку гипотез или теоретических моделей, иными словами, в рамках методологии, направленной на поиск общих закономерностей. Весь вопрос лишь в том, как именно подбираются случаи и решению каких задач они служат. Одним словом, case study полезны и для последователей «понимающей» психологии, и для последователей «объясняющей» естественнонаучной дисциплины.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 30.

1. Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект или «Папа, я тебя долго ждала!»

Введение

В 80-е годы XX века наряду с такими признанными психологическими школами, как психоанализ, бихевиоризм и гуманистическая психотерапия, стало активно развиваться мультикультурное консультирование. Основной спецификой мультикультурного консультирования и психотерапии является оказание психологической помощи клиенту с учетом особенностей его культуры. В процессе взаимодействия с клиентом терапевт приветствует и одобряет его связь с собственной культурой, поддерживает гордость реципиента своей этнической, религиозной и т. д. принадлежностью.

Консультируя в мультикультурном пространстве, психолог должен быть открыт и способен войти в мир своего клиента: только тогда он увидит разницу между своим собственным миром и миром человека, обратившегося за помощью, и только тогда он будет готов использовать культуру клиента как ресурс при оказании психологической помощи.

Культурно-специфическое консультирование учитывает различные аспекты культуры клиента – религиозную⁵, этническую⁶, расовую⁷.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что проявляемый психологами интерес к этническому, религиозному, гендерному, социальному факторам при консультировании связан с именем Карла Роджерса, автором клиент-центрированной терапии, который был уверен, что этнические ценности и религиозные убеждения, гендерные конструкты, социальные модели клиента являются прежде всего источниками его внутреннего ресурса [1].

Анализ исследований, фиксирующих семейную, этнокультурную, социальную и религиозную включенность терапевта в процесс взаимодействия с реципиентом, позволяет выделить различные контексты жизнедеятельности человека, в которых имеют место дискриминационные действия, и в первую очередь – оценочный подход к существующим в других культурах способам оказания специализированной психологической помощи. Г. Читем и А. Айви пишут: «Если вы не начнете свое первое интервью с того, чтобы получить знание у клиента, ваша „культурно-осознанная“ помощь может оказаться более притесняющей, чем если бы вы совсем ничего не знали о культурных различиях» [2, Р. 140]. С. Сю отмечает в своих работах наличие большого количества культурных стереотипов в обществе, которые отражаются и в работах психологов [3, 4].

Оказание психологической помощи инокультурному клиенту осуществляется в такой ситуации, когда культурные установки и ценности клиента могут сильно отличаться от диспозиций консультанта. И здесь для эффективной работы необходимы межкультурная компетентность психолога, рефлексия своих собственных установок и ожиданий в отношении инокультурных различий, использование методов и приемов, которые сообразны жизненному опыту,

⁵ Chesner S.P. & Baumeister R.F., Keating A.M. & Fretz B.R., Worthington E.L. & Gascoyne S.R., Godwin T.C. & Crouch J.G, Pecnik J.A. & Epperson D.L., Pargament Kenneth I., Kennel Joseph, Hathaway William, Grevengoed Nancy, Newman Jon & Jones Wendy.

⁶ Berry J.W. & Kim U., Carter R.T. & Qureshi A., Cornish J.A.E., Schreier B.A., Nadkarni L.I., Metzger L.H. & Rodolfa E.R., Cheung F.K., Snowden L.R., Gans Herbert J., Thompson v. L.S., Bazile A. & Akbar M.

⁷ Abrams L.S., Dornig K. & Curran L., Alvidrez J., Cristancho S., Garces D.M., Peters K.E. & Mueller B.

этнокультурным ценностям, религиозным убеждениям, а также гендерным установкам клиента. «Терапевт должен понимать значение травмы, степень страдания и боли, специфичные для той этнической группы, к которой принадлежит его клиент, и творчески подойти к организации терапии на основании этого знания», – отмечает Э. Парсон [ЦИТ. ПО 5, С. 383–385].

В работах, рассматривающих роль и значение расовой, культурной и религиозной компетентности терапевта, чаще всего говорится о духовных системах культуры человека. «Человеческому существу, чтобы жить, необходимы система координат, философия жизни, религия, причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь» [6, С. 250]. Так, Г. У. Солдатова отмечает, что специалисты помогающих профессий обязательно должны включать в формат терапевтического взаимодействия духовный аспект, поскольку духовность является мощным ресурсом роста и развития личности [7]. Логотерапевт И. Ван Пельт указывает на религиозную и духовную осознанность как на источник личностного, семейного и социального благополучия [2]. Она уверена в том, что при организации и проведении сессии духовный фактор должен быть рассмотрен как ключевая часть человеческого существа.

Значимость регионального и ментального компонента при консультировании и терапии подчеркивали Дж. Карим и Р. Литлвуд [8]. В ряде европейских стран, в частности в Великобритании, доминирующими являются расовые проблемы, поскольку местные специалисты считают, что терапевтические услуги не подходят для этнических меньшинств в силу недостаточного вербального репертуара этих клиентов, степени их рефлексии собственных проблем в той мере, в какой предполагает классическая психологическая модель [8]. Афроамериканская община преимущественно состоит из рабочего класса, в которой распространены бедность и дискриминация. А дорогая и долгосрочная терапия адресована богатым и «капризным» клиентам.

В кварталах, где проживают этнические меньшинства, нет высококлассных специалистов сферы здравоохранения. «Если тебе случилось быть черным, ты должен быть относительно более богатым по сравнению со своими белыми коллегами, чтобы достичь определенного уровня жизни. Среди черного этнического меньшинства также практически отсутствуют специалисты в области здравоохранения высокого уровня. Психиатры подчеркивают, что „азиаты не интересуются психиатрией“: врачи из их среды предпочитают физические методы лечения или, другими словами, радикальные методы психиатрии; пациенты же более вероятно манифестируют „истерические“ или „соматические“ симптомы, не „истинные“ психологические проблемы» [8, С.6].

С точки зрения Дж. Карима [9], при осуществлении профессиональной психологической работы необходимо брать во внимание целостное бытие клиента – не только индивидуальные особенности и диспозиции, но и его прошлый и настоящий опыт жизни в сообществе. В зарубежной психологии принято считать, что терапевтическая работа без учета расовых, этнических, национально-культурных, гендерных и ментальных особенностей может привести к нарушению целостности клиента. Анализируя культурно-специфический подход в работе психолога, П. Кашман подчеркивает, что представления о собственном «Я» носят локальный характер. Он отмечает, что психологи должны опираться на локальное «Я» и обращаться к культурному, семейному, этническому наследию клиента, национально-эстетическим идеалам и преобладающему социальному окружению [10].

В постсоветской России культурноориентированный подход к консультированию в последние десятилетия обсуждается (в частности, он обосновывается в работах Х. и Н. Пезешкиана), но с нашей точки зрения – недостаточно. Религиозно-ориентированный подход в православной парадигме реализуется в работах Братуся Б. С., Василюка Ф. Е., Слободчикова В. И.; учет этно-религиозной специфики в консультировании положен в основу работы Ассоци-

ации психологической помощи мусульманам, созданной в 2017 году в России, и реализуется в ее практических и теоретических разработках **[11, 12, 13, 14, 15]**.

Таким образом, мультикультурный подход достаточно активно развивается в России и мире, однако в отечественной литературе пока недостаточно описаны основные принципы и подходы психологической работы с представителями различных этнорегиональных групп.

В связи с этим анализ конкретного кейса представляется весьма актуальным.

Случай из практики

В психологический центр Республики Ингушетия обратилась 17-летняя девушка по имени Дали, учащаяся 11 класса. Психолог-консультант начала свою работу с клинической беседы и диагностики, в ходе которой обнаружилось, что у Дали есть обида на мать за то, что она не одобряла ее общения с отцом. Когда Дали исполнилось 7 лет, мама ушла вместе с ней от супруга. В настоящее время отцу Дали 64 года, он всю жизнь страдает от алкоголизма, у него сахарный диабет. Мужчина не женился после развода, проживает с сестрой и братом.

Два года назад девушка начала общаться с отцом. «Когда я езжу к папиным родственникам, мамина родня недовольна. Они ругают маму за то, что я так сильно привязалась к ним, – говорит Дали. – Мне хорошо с ними. Я не хочу, чтобы их называли чужими людьми и ограничивали меня в общении.

В детстве сверстники упрекали меня за то, что у меня нет отца. Я всю жизнь мечтала о брате, а один из папиных племянников мне как старший брат. Папу мне очень жалко. Я хочу обнять его и сказать: „Я тебя долго ждала, почему тебя не было?“ У меня есть видео, где я сижу у папы на коленях. Я плачу каждый раз, когда смотрю его. Мне всегда очень сильно не хватало отцовской любви. Это старались компенсировать все: мамины братья, дедушка, другие родственники, – но это не то, отцовская любовь – это что-то другое».

В ходе беседы выяснилось, что Дали хочет стать наркологом, чтобы помочь своему отцу избавиться от алкогольной зависимости. На одной из сессий девушка призналась, что много раз в минуты отчаяния ей приходила мысль свести счеты с жизнью.

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Дали нарушенные взаимоотношения с матерью и ее родственниками (бабушкой по линии матери и сестрами матери), перфекционизм в отношении учебы, страх перед экзаменами (ЕГЭ), боязнь не оправдать надежды матери, потребность в эмоциональной поддержке отца и двоюродного брата.

На консультацию к психологу была приглашена мать Дали. В ходе работы с ней выяснилось, что у нее сложные взаимоотношения с родственниками, которые предупреждали ее о том, что все ее усилия по воспитанию дочери окажутся напрасными, осуждали за демократические принципы воспитания девочки и пророчили жалкое и одинокое существование на склоне лет в связи с уходом единственного ребенка (которому она посвятила жизнь) к отцу. Диагностика выявила у матери Дали перфекционизм, обиду на мужа, страх потерять дочь, повышенную тревожность.

Общий психологический подход к консультированию связан с осознанием роли отца в судьбе дочери. Этой теме посвящено большое число психологических работ, в которых подчеркивается значение отношений дочери с отцом и их влияние на психологическое благополучие. «...Самое важное моральное и юридическое правило относительно психологического положения отцовства в том, что ни один ребенок не должен приходить в этот мир без мужчины, принимающего на себя социальную роль отца, воспитателя и защитника, мужчины-посредника между ребенком и окружающим миром. Это сводится к универсальному социальному закону, именуемому принципом законнорожденности, и неизменным остается правило: для полноты социального статуса ребенку необходим отец, точно так же, как и мать» [16, С. 14].

Очевидно, что развод родителей является травмой для ребенка любого возраста. И сколько бы ни прошло лет, человек будет считать это событие одним из худших воспоминаний детства. Последствия безотцовщины в наше время достигли масштабов эпидемии, а многие психологические кризисы у детей и подростков напрямую связаны с отсутствием отца. Дочери, выросшие без отца, рано начинают интересоваться мужчинами старшего возраста. Зачастую им кажется, что эти люди смогут найти выход из любой сложной ситуации. Однако такая встреча – подмена смыслов. Отец, которого девушка не видела, может явиться ей в чужом

мужчине, который не только станет партнером, но и заменит долго отсутствовавшего родителя. К тому же, для дочери, не имеющей представления о полноценной семье, такие отношения могут привести к непредсказуемой развязке.

О детской травме, полученной дочерью в отношениях с отцом, писала юнгианский психоаналитик Л. Ш. Леонард, предлагая методы работы с такой травмой, поскольку именно от отцовско-дочерних отношений зависят благополучие женщины, ее социальная успешность, личностный и профессиональный рост, проявления ее сексуальности, формирование позитивных отношений с мужчинами. «... Женщине, имеющей эмоциональную травму, очень важно осознать невыполненное обещание своего отца и то, как отсутствие отношений с отцом повлияло на ее жизнь. Дочери необходимо восстановить утраченные отношения с отцом, чтобы создать у себя внутри его положительный образ, который поможет ей ощутить силу и ориентацию в жизни, признать позитивную сторону маскулинности во внешнем и внутреннем мире и воздать ей должное» [17, С. 18]. Если отношения с отцом были нарушены, то женщине необходимо осознать, понять и принять свою травму. Только вслед за этим наступит психологическое исцеление.

По мнению Л. Ш. Леонард, родительско-дочерняя травма является ключевой проблемой для большинства современных женщин. Вытеснение травмы происходит путем осуждения отца, а также и всех остальных мужчин. Однако отсутствие большой внутренней работы предполагает отсутствие ответственности у женщины за изменение своего жизненного сценария, во-первых, посредством осуждения мужчин, во-вторых, приспособлением к ним.

Самая главная задача современной женщины, как отмечает автор, заключается в познании себя, которое может привести женщину к диалогу со своей собственной историей, с разными составляющими своего индивидуального, культурного и духовного развития. Автор выделяет целый ряд важнейших контекстов, связанных с ролью отца:

- Отец является первой маскулинной фигурой в жизни дочери. Оговоримся, что в коллективистских культурах маскулинные фигуры – это также многочисленные родственники мужского пола, принимающие участие в жизни девочки. Однако роль отца действительно неоспорима.

- Через отца у девочки формируется восприятие иной гендерной идентичности, а в конечном счете – и собственной феминности.

- Модели «авторитета, ответственности, умения принимать решения, объективности, порядка и дисциплины» [17, С. 30] создает для девочки отец.

Во взрослой жизни дети пытаются избавиться от проблем, связанных с отсутствием отца. В связи с этим они часто подчеркивают интеллектуальную и эмоциональную незрелость других, их ущербность, акцентируют деструктивные черты своего супруга, а также коллег, педагогов, друзей. По мнению Дж. Шаллера, компенсация проблем в отношениях с отцом имеет серьезные последствия в будущем, среди которых могут быть асоциальное и аддиктивное поведение. «Пустоту можно пытаться заполнить изнурительными физическими упражнениями или порочными сексуальными практиками. Люди безжалостно разрушают самих себя, потому что им кажется, что так можно добиться ощущения собственной ценности, самоуважения, то есть того, чего их отцы так им и не дали» [18, С. 15].

Нередко человек во взрослом возрасте не в состоянии понять, что часть его психологических проблем связана с взаимоотношениями с отцом. При этом неприятные воспоминания вытесняются, если они были слишком травматичными. О. С. Прилепских пишет, что «позитивные взаимоотношения с отцом формируют стратегию поиска будущего супруга, относящегося к типу отца».

Сходную стратегию выбора будущего супруга обнаруживают девушки, которые позитивно оценивают директивные формы поведения отца (уверенность в себе, коррекция и контроль за соблюдением девушками социальных норм и традиций семьи)» [16, С. 7]. Если в процессе общения и взаимодействия с отцом преобладают дистанция и автономность (эмоциональная невключенность отца в проблемы семьи и детей, бесстрастность, игнорирование потребностей и запросов родных и близких, отсутствие теплоты и открытости отношений между отцом и дочерью и др.), то девушки предпочитают стратегию избегания мужчин по типу отца [16].

Детские проблемы могут быть связаны с невозможностью обратиться к отцу, путь к которому лежит через мать, через их отношения [19, С. 83]. Именно поэтому в случае развода плохие отношения отца и матери непосредственно влияют на восприятие ребенком родителей и формирование детско-родительских отношений. Английские ученые сформулировали такое определение феномена отцовства: «Роль отца сложна и охватывает множество важных ролей, таких как опекун, работник, кормилец, домашний менеджер и т. д. На каждую из этих ролей влияют общественные и культурные ожидания, и в конечном итоге они проявляются в представлении отца о себе в этой роли. Отец должен также адаптировать и точно настроить эту концепцию на конкретные потребности и личность каждого ребенка» [20, С. 56]. Культурная специфика детско-родительских отношений связана с тем, что в коллективистских культурах в расширенной семье эти роли раньше распределялись между различными родственниками. Так, этнограф З. И. Хасбулатова отмечает, что основным залогом успешного воспитания в традиционной чеченской культуре была большая неразделенная семья. «В такой семье существовали разные стили и методы воспитания. Одни воспитывали преимущественно словом, увещеванием (бабушки, дедушки), другие – примером (родители), третьи – прибегая к жестким мерам (дяди), четвертые – к методам принуждения и т. п.» [21, С. 114]. Однако в настоящее время в условиях распространенности нуклеарных семей все эти роли концентрируются в родителях.

Отсутствие в семье отца нарушает здоровую дистанцию между матерью и ребенком, и дети неосознанно испытывают сильнейшую эмоциональную привязанность к матери. Образно это описывает Дж. Шаллер: «Представьте себе треугольник, сделанный из веревки. Родители – два угла, а третий угол – ребенок. Что получится, если взять и потянуть за угол, изображающий отца? Углы, изображающие мать и ребенка, окажутся притянуты друг к другу» [18, С. 19]. Следствием этого становится смещение ролей, нарушение процесса формирования личности ребенка, его сепарации и самодостаточности; сын становится так называемым «эмоциональным супругом» матери.

Однако роль и значение отца обретают особые смыслы в каждой конкретной этнической и религиозной культуре. Обратимся к анализу культурно-специфических аспектов, которые были задействованы в ходе консультирования Дали и ее матери.

Консультирование в культурном контексте клиента

В ходе клинической беседы и диагностики проявилась достаточно высокая религиозность Дали. Девушка пришла на консультацию, одетая в соответствии с требованиями религии (в хиджабе), говорила о значении ислама в ее жизни. В частности, она рассказала, что не хочет ехать учиться в центральные города России, так как считает, что в учебном заведении за пределами Республики Ингушетия ей не разрешат соблюдать религиозные нормы в одежде.

Однако консультант обратила внимание, что при обсуждении роли и значения отца в жизни Дали девушка часто обращалась к традиционной роли отца в ингушской культуре. Поэтому психологическая работа проходила с использованием этнокультурного контекста. Как известно, статус отца на Кавказе, в том числе в Ингушетии, чрезвычайно высок. Отец на Кавказе – это человек, принимающий ключевые решения в жизни ребенка: при выборе профессии, трудоустройстве, создании семьи. И если он не принимает участия в решении вышеперечисленных вопросов, то его поведение относится к социально неодобряемому, порицается обществом, а общественное мнение – важнейший регулятор поведения в коллективистской культуре.

Согласно ингушским этнографическим материалам, женщина всегда остается носителем репутации и истории той семьи, в которой она родилась и воспитывалась. Ингушская женщина никогда не теряет принадлежности к отцовскому роду. «Она – представительница отцовского рода в доме своего мужа», – пишет Муса Яндиев в своей монографии «Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа» [22, С. 23]. Ее всегда считают дочерью и сестрой рода (*йоI-йиша* – инг.). Как и у многих других народов Северного Кавказа, у ингушей продолжение рода идет по отцовской линии. На церемонии сватовства дочери решающее слово всегда остается за отцом, т. е. только он дает благословение на брак, даже если супруги, родители дочери, разведены. И только после его окончательного согласия начинается подготовка к свадьбе, хотя «сторону невесты» от имени отца «могли представлять... кто-нибудь из уважаемых родственников или других доверенных лиц» [23, С. 27]. В ингушском обществе девушка в основном выходит замуж из отцовского дома, даже если ее родители разведены и она жила с матерью. Это связано с тем, что, во-первых, она представитель рода отца и не может выходить замуж из чужого дома. Во-вторых, от этого зависит статус невесты перед новыми родственниками.

Во время сватовства дочери особым проявлением заботы со стороны отца было знакомство с историей жизни семьи жениха. Бывали случаи, когда дочь была влюблена, но родители не отдавали ее замуж, потому что по своему опыту знали, что ее жизнь в этом доме не сложится, а если дочь и останется там, то ей придется жить в непростых условиях. Родители запрещали брак не для того, чтобы ограничить ее в правах, а потому что проявляли заботу о своем ребенке.

Во все времена для ингушей рождение дочери было не менее значимым событием, чем рождение сына, потому что в ингушском обществе считалось, что дочь – генофонд нации, а сын – защитник семьи, рода, родины и Отечества. Отец очень любит своих дочерей, хотя никогда при людях не демонстрирует свою любовь. Только в отсутствие посторонних он проявляет свои чувства. Не принято повышать голос на дочь, необходимо вести себя очень корректно и сдержанно. Посредником между отцом и дочерью всегда была мать. В народе говорят: «Есть вещи, которые жене можно сказать, а дочери нет». Отцовские наставления дочь получает через мать.

Высшей степенью проявления отцовской любви к дочери является одобрительный взгляд, интонация. Лучший родительский комплимент для нее звучит так: «*Со раьза ва хьона!*» / «Я доволен тобой!».

При возникновении конфликтных ситуаций в семье мужа отец или брат девушки выступает в качестве защитника. Это отражается в ингушских пословицах: «*Да воацача йилий дог ма дохаде*» / «Не огорчай девушку, не имеющую отца»; «*Воша воаца йишиа – ткъам боаца лаьча*» / «Девушка без брата – сокол без крыла»; «*Воша воаца йишиа глийла яьгIай*» / «Печальна участь девушки, не имеющей брата». Подобных этим пословиц у ингушей много. С психологической точки зрения интересно и такое ингушское выражение: «*Да – „дунен сердал“, нана – „дунен йIовхал“*» / «Отец – свет мира, мать – тепло мира».

Детские проблемы очень ярко отражают проблемы семьи. В ходе работы выяснилось, что мать Дали не хочет признавать, что супружеские отношения исчерпаны, а детско-родительские (в данном случае отца и дочери) – продолжают до тех пор, пока кто-то из них не покинет этот мир. В связи с этим мы выполнили с ней психодраматическую технику «пустого стула», которая используется в гештальт-терапии. Мать сыграла и роль дочери, и роль экс-супруга, и, естественно, свою материнскую роль – и в результате этой работы пришла к выводу, что для полноценной жизни Дали нужен диалог с отцом.

Следует отметить и тот факт, что у матери Дали, как и у многих представительниц традиционного общества, слишком высока зависимость от мнения окружающих. Будучи в браке, она боялась, что кто-то узнает и осудит ее за неудачный выбор. На сессии она призналась: «Я считала, что моя жизнь должна быть такой же белой и стерильной, как мой белый медицинский халат!» В профессиональном сообществе она – лучшая из лучших, а в жизни – неуверенный в себе человек («Если бы я была ягодой, я хотела бы быть клубникой, если цветком – розой, если животным – улиткой. Я всегда хотела спрятаться от людей!»). Увеличивая дистанцию между отцом и дочерью, мать полагает, что пытается обеспечить максимальную защиту и безопасность для своего ребенка. Однако человек может быть счастлив только тогда, когда он полностью принимает внутри себя свою мать и своего отца: «Ты – моя мать, и я принимаю тебя такой», «Ты – мой отец, и я принимаю тебя таким». Он принимает не что-то от своих родителей, а принимает своих родителей со всем тем, что к ним относится [19, С.83].

Мать Дали на протяжении всей сессии испытывала чувство вины, объясняла недостатки мужа своими неудачными поступками и во многом обвиняла себя: «Я предлагала ему жениться. Я готова была их обеспечивать. Я отказывала ему в интимной близости, не считалась с его желаниями и потребностями». В ходе психологической работы наступило время постепенно переформулировать единственный для матери и приоритетный смысл жизни ради дочери. И эта работа не была для нее деструктивной и противоречащей материнской роли, а стала прогрессивным шагом на пути к новым интересам и целям.

Консультирование в духовном контексте клиента

Терапевтические взаимоотношения с верующим клиентом не могут быть полными и полноценными без использования духовных ресурсов клиента. В ходе работы мы активно подключали ресурс религиозной веры. Согласно исламу, дочь открывает дверь в Рай для своего отца. Пророку Мухаммаду (мир ему) принадлежат следующие слова: «Когда на свет появляется девочка, Всевышний Аллах посылает туда ангелов, и они приветствуют: «Мир вам, обитатели этого дома!» Затем ангелы покрывают родившуюся девочку своими крыльями, поглаживают ее головку и говорят: «Как она слаба и беспомощна и вышла из слабого тела. Если отец будет растить ее, то до Судного Дня ему будет помощь от Аллаха».

Детско-родительские отношения в контексте ислама ориентируют детей на покорность и послушание родителям. Мусульмане верят, что и молитвы, и проклятия родителей в отношении своих детей принимаются Всевышним. Поэтому дети воспринимают проявление покорности и уважения к родителям как часть проявления покорности, уважения и возвеличивания Аллаха. Они верят, что достичь довольства Аллаха и обрести Рай возможно, лишь достигнув довольства родителей. «Когда Фатима приходила к Правителю миров, Посланник Аллаха (мир ему) встречал ее стоя и уступал ей свою подушку, на которой сидел. Когда же Посланник Аллаха шел к Фатиме, она встречала его стоя, с уважением целовала ему руки и сажала его на свое место» (ат-Тирмизи).

Плохое отношение к отцу или матери относится к числу больших грехов. В Коране сказано: «Мы заповедали человеку (быть добрым) к его родителям...» (31:14) [24, С. 1115].

Согласно исламу, даже допуская ошибки, родители не теряют родительские права и полномочия. Уважать их, служить им, обеспечивать их нравственные и материальные потребности, воздерживаться от малейших поступков, способных ранить их, является обязанностью ребенка с точки зрения ислама. Если в некоторых вопросах родители займут ошибочную позицию, дети хотя бы внешне должны демонстрировать свое согласие с ними, но действовать надо правильно.

Пророк Мухаммад (мир ему) очень любил свою внучку по имени Уама. Он часто гулял с ней на руках и молился вместе с ней. Преклоняясь перед Аллахом, он располагал ее рядом с собой, а когда заканчивал молиться, брал на руки и сажал на шею. Пророк (мир ему) демонстрировал свою любовь к Уаме, чтобы научить своих последователей мягко и нежно относиться к дочерям.

Таким образом, забота взрослой дочери о больном отце, общение с ним относится к числу одобряемых религией деяний. Осознание этого позволило Дали и ее матери избежать сомнений в необходимости установления прочного контакта между отцом и дочерью и стало ресурсом для развития отношений дочери и отца.

Заключение

На примере разбора конкретного кейса из практики психологического консультирования мы продемонстрировали положительную динамику психологической работы, базирующейся на ингушской культуре и ценностях ислама. В психологическом консультировании имеет огромное значение учет этнической и религиозной специфики клиента. Плодотворная психотерапевтическая работа специалиста опирается на этнокультурные и религиозные ресурсы клиента и не противоречит им: «никакая психология не может быть полезна для мусульман, в которой не принимается ислам в качестве мировоззрения» [25, С. 16]. Психотерапевт, ориентированный на результативность, осуществляет свою профессиональную психологическую деятельность в культурном и духовном контексте клиента.

Таким образом, мультикультурная компетентность психолога обеспечивает консультанту, с одной стороны, высокий уровень доверия со стороны клиента, а с другой – профессиональный подход, базирующийся на этнических ценностях, религиозных убеждениях, социальных конструктах и гендерных особенностях. И этот подход, безусловно, требует своего дальнейшего изучения и развития.

Литература

1. **Роджерс К.** Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2006. 512 с.
2. **Ivey A.E., Bradford-Ivey M., Simek-Morgan L., Cheatham H.E., Pedersen P.B., Rigazio-DiGilio S.A., Sue D.W.** Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective. Needham Heights, Massachusetts: Allyn&Bacon; 1997. 423 p.
3. **Sue S.** Psychotherapeutic services for ethnic minorities: Two decades of research findings. *American Psychologist*. 1988;43(4):301–308. DOI: 10.1037/0003-066X.43.4.301
4. **Locke D.** A not so provincial view of multicultural counseling. *Counselor Education and Supervision*. 1990;9:18–25. DOI: 10.1002/j.1556-6978.1990.tb01175.x
5. **Тарабрина Н. В., Щапова М. Ю.** Посттравматическое стрессовое расстройство: опыт зарубежных этнопсихологических исследований. *Психологическое обозрение*. 1998;2:72–80.
6. **Маслоу А.** Психология бытия. Пер. О. Чистякова. М.: «Рефл-бук» – К.: «Ваклер»; 1997. 140 с.
7. **Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности.** Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл; 2002. 479 с.
8. **Littlewood R.** Towards an intercultural therapy. In: Ed. by J. Kareem, R. Littlewood; *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications; 1992, P. 3–13.
9. **Kareem J.** The Nafsiyat Intercultural Therapy Centre: Ideas and Experience in Intercultural Therapy. In: J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications; 1992, P. 14–37.
10. **Cushman P.** Why the self is empty: Toward a historically situated psychology. *American Psychologist*. 1990;45(5):599–611.
11. **Забелин С. В., Забелина Е. Н.** Специфика работы психолога с клиентами иной этнической и религиозной идентичности: американский опыт. *Ислам: личность и общество*. 2019;4:9-20.
12. **Замалетдинова Ю. З.** Портрет психолога, исповедующего ислам, глазами специалиста и клиента: парадигма, методология, методы, техники, инструменты работы. *Ислам: личность и общество*. 2019;4:21–30.
13. **Павлова О. С.** Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников. *Современная зарубежная психология*. 2018;7(4):46–55. DOI: 10.17759/jmfp.2018070406
14. **Бадри М.** Размышление. Исследование психики и души человека. Баку: CDS; 2008. 136 с.
15. **Павлова О. С.** Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):207–222. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222
16. **Прилепских О. С.** Образ отца как детерминанта развития представлений о будущем супруге у девушек: автореферат дис... кандидата психологических наук. Ставрополь, 2005. 23 с.
17. **Леонард Л. Ш.** Эмоциональная женская травма: исцеление детской травмы, полученной дочерью в отношениях с отцом. Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Класс; 2009. 214 с.
18. **Шаллер Дж.** Потеря и обретение отца. Пер с англ. СПб.: Мирт; 1998. 216 с.
19. **Хеллингер Б.** Долгий путь. Беседы о судьбе, примирении и счастье. М.: Институт консультирования и системных решений; 2009. 360 с.

20. Калина И. А. Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы. Современная зарубежная психология 2019;8(4):49–56.

21. Хасбулатова З. И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М.: Академия; 2007. 389 с.

22. Яндиев М. А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М.: Издательство ЛКИ; 2008. 496 с.

23. Харсиев Б. М.-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века (монография). Магас: ООО «Пилигрим»; 2015. 140 с.

24. Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями. / Гл. ред. Д. Мухетдинов. М.: ИД «Медина»; 2015. 1888 с.

25. Бадри М. Теория и практика исламской психологии. / Под ред. О. С. Павловой, В.С. Полосина. М.: Аль-Васатыя – умеренность; 2018. 268 с.

References

1. **Rogers C.** Konsultirovanie i psihoterapiya. Noveyshie podhody v oblasti prakticheskoy psihologii. [Counseling and psychotherapy. The latest approaches in the field of practical psychology]. Moscow: Institute of General humanitarian research; 2006. 512 p. (*In Russian*) ISSN 2618-9569213
2. **Ivey A. E., Bradford-Ivey M., Simek-Morgan L., Cheatham H.E., Pedersen P. B., Rigazio-DiGilio S. A., Sue D. W.** Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective. Needham Heights, Massachusetts: Allyn&Bacon press; 1997. 423 p.
3. **Sue S.** Psychotherapeutic services for ethnic minorities: Two decades of research findings. *American Psychologist*. 1988;43(4):301–308.
4. **Locke D.** A not so provincial view of multicultural counseling. *Counselor Education and Supervision*. 1990;9:18–25.
5. **Tarabrina N. V., Shchapova M. Yu.** Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroystvo: opyt zarubezhnyh etnopsihologicheskikh issledovaniy. [Posttraumatic stress disorder: experience of foreign ethno-psychological research]. *Psihologicheskoe obozrenie*[Psychological review]; 1998;2:72–80. (*In Russian*)
6. **Maslow A.** Psihologiya bytiya. [Psychology of being]. Translated by O. Chistyakova. Moscow: “Ref1 – Buk” – K.: “Wakler”; 1997. 140 p. (*In Russian*)
7. **Psihologicheskaya pomoshch migrantam: travma, smena kultury, krizis identichnosti.** [Psychological assistance to migrants: trauma, change of culture, a crisis of identity]. Edited by G. U. Soldatova. Moscow: Smysl press; 2002. 479 p. (*In Russian*)
8. **Littlewood R.** Towards an intercultural therapy. In: Ed. by J. Kareem, R. Littlewood; *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications press; 1992, P. 3–13.
9. **Kareem J.** The Nafsiyat Intercultural Therapy Centre: Ideas and Experience in Intercultural Therapy. In: Ed. by J. Kareem, R. Littlewood *Intercultural Therapy: Themes, Interpretations and Practice*. Oxford: Blackwell Scientific Publications press; 1992, P. 14–37.
10. **Cushman P.** Why the self is empty: Toward a historically situated psychology. *American Psychologist*; 1990;45(5):599–611.
11. **Zabelin S. V., Zabelina E. N.** Spetsifika raboty psihologa s klientami inoy etnicheskoy i religioznoy identichnosti: amerikanskiy opyt [Specifics of the psychologist’s work with clients of a different ethnic and religious identity: the American experience]. *Islam: lichnost i obshchestvo*. [Islam: an individual and society]; 2019;4:9-20. (*In Russian*)
12. **Zamaletdinova Y. Z.** Portret psihologa ispoveduyushchevo islam, glazami spetsialista i klienta: paradigma, metodologiya, metody, tehniki, instrumenty raboty 214 ISSN 2618–9569 Minbar. *Islamic Studies*. 2020;13(1) [A portrait of a psychologist professing Islam through the eyes of a specialist and a client: paradigm, methodology, methods, techniques and tools]. *Islam: lichnost i obshchestvo*[Islam: an individual and society]; 2019;4:21–30. (*In Russian*)
13. **Pavlova O. S.** Psihologicheskoe konsultirovanie musulman: analiz zarubezhnyh istochnikov [Psychological counseling of Muslims: analysis of foreign sources]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology]; 2018;7(4):46–55. (*In Russian*)
14. **Badri M.** Razmyshlenie. Issledovanie psihiki i dushi [The Reflection. Research of the human psyche and soul]. Baku: CDS publ.; 2008. 136 p. (*In Russian*)
15. **Pavlova O.S.** Psihologiya religii v islamskoy paradigme: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Psychology of religion in the Islamic paradigm: the state and prospects of development]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]; 2015;11(4):207–222. (*In Russian*)
16. **Prilepskiy O. S.** Obraz ottsa kak determinanta razvitiya predstavleniy o budushchem supruge u devushek [The Image of the father as a determinant of the development of ideas about

the future spouse in girls: abstract of a candidacy in psychology dissertation]. Stavropol; 2005. 23 p. (In Russian)

17. Leonard L. S. Emotsionalnaya zhenskaya travma: itselenie detskoy travmy poluchennoy docheryu v otnosheniyah s ottsom [Female's emotional trauma: healing a daughter's trauma received in a relationship with her father]. Translated from English by V. Miravci. Moscow: Klass press; 2009. 214 p. (In Russian)

18. Schaller G. Poterya i obretenie ottsa.[Losing and finding a father]. Translated from English. St.Petersburg: Mirt press; 1998. 216 p. (In Russian)

19. Hellinger B. Dolgiy put. Besedy o sudbe, primirenii i schaste [A Long way. Conversations about fate, reconciliation, and happiness]. Translated by D. Kolmac. Moscow: Institute of consulting and system solutions publ.; 2009. 360 p. (In Russian)

20. Kalina I. A. Ottsovstvo kak psihologicheskiy fenomen. Obzor sovremennoy zarubezhnoy literatury [Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature] Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya [Modern foreign psychology]; 2019;8(4):49–56. (In Russian)ISSN 2618-9569215

21. Khasbulatova Z. I. Vospitanie detey u chechentsev: obychai i traditsii (19-nachalo 20 veka)[Raising children among Chechens: customs and traditions (XIX – early XX centuries)]. Moscow: Akademiya press; 2007. 389 p. (In Russian)

22. Yandiev M. A. Drevnie obshchestvenno-politicheskie instituty narodov Kavkaza. [Ancient socio-political institutions of the peoples of the Caucasus]. Moscow: LKI Publishing House press; 2008. 496 p. (In Russian)

23. Kharsiev B. M.-G. Obychai semi i semeynovo byta gortsev Kavkaza s kontsa 19 do serediny 20 veka. [Customs of the family and family life of the Caucasus highlanders from the end of the XIX to the middle of the XX century (monograph)]. Magas: Pilgrim LLC press; 2015. 140 p. (In Russian)

24. Svyashchenny Koran. Smyslovoy perevod s kommentariyami [Sacred Quran. Semantic translation with commentaries]. Edited by D. Mukhetdinov. Moscow: Publishing house “Medina” press; 2015. 1888 p. (In Russian)

25. Badri M. Teoriya i praktika islamskoy psihologii [Theory and practice of Islamic psychology]. Edited by O.S. Pavlova, V.S. Polosin. Moscow: al-Wasatiyamoderation publ.; 2018. 268 p. (In Russian)

2. Консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента или «Я ни слова не мог произнести...»

Введение

С античных времен в мировом пространстве Кавказ является важным регионом в культурном и духовном плане. Это не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, а «особая горская цивилизация» [1, С. 177]. В настоящее время Кавказу присущи определенные противоречия между современным и традиционным образами жизни. «Здесь традиции не только не отвергаются, но становятся еще более значимыми; религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение» [2, С. 222]. И в мировой практике в целом, и в северокавказском регионе в частности в настоящее время осуществляется взаимодействие традиционности и модернизации, достаточно убедительно изученных и описанных в работах Б. Ерасова [3]. С точки зрения исследователя, в результате столкновения модернизма и традиционализма наблюдается деформация традиционных конструктов и кризис традиционной культуры под давлением суррогатной модернизации, вызывающей в ответ недовольство и сопротивление.

При этом традиционные общественные институты не только не разрушаются, но, наоборот, еще больше локализуются. Реальная угроза утраты национально-культурных особенностей подтолкнула народы Северного Кавказа к тому, что они с еще большим рвением стали презентовать свою уникальность, самобытность, неповторимость и связь со своей многовековой историей. «...Самобытность в сочетании с принципом эндогенности стали ключевым началом для выявления сущности тех процессов, которые разворачиваются в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив» [3, С. 379].

Автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтон пишет, что «изначально модернизация и вестернизация тесно связаны, и незападные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации», но все же «с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур» [4, С. 107]. Столь непредсказуемый эффект модернизации, который направлен не на снижение индекса традиционности, а на ее усиление, рассматривается как идеальное воплощение исторической реальности, и считается, что более продолжительное развитие истории наполнит большими депрессивными составляющими содержательную часть традиционности.

Уничтожение национальных приоритетов приводит к ликвидации морально-нравственных ценностей, развитию в социуме деструктивных настроений, распространению безответственности и насилия. Только богатое этнокультурное наследие может противостоять негативным процессам глобализации. По мнению И. М. Сампиева, «есть серия различных модернизаций, и для каждой культуры модернизация, как способ совладания с вызовами современности, уникальна» [1, С. 177]. Естественно, чтобы добиться успеха, недостаточно опираться только на культурные приоритеты и народное достояние, «но они есть необходимое условие, без чего нет шанса на успех» [1, С. 177].

В предыдущей главе и в данной статье [5] мы показали, что в психологическом консультировании имеет огромное значение учет этнической и религиозной специфики клиента, т. е. плодотворная психотерапевтическая работа специалиста опирается на этнокультурные и рели-

гиозные ресурсы клиента и не противоречит им. Оказание психологической помощи должно учитывать базовые ценности клиента и опираться на те источники в его собственной культуре, которые могут стать ресурсом для этого человека. При такой синергии, когда терапевт и клиент придерживаются одних этнокультурных и религиозных взглядов, понимают друг друга, процесс оказания психологической помощи бывает наиболее полноценным. Подобная совместная работа приводит не только к решению проблемы личности, но и становится источником духовного роста верующего человека, его большей осознанности и саморазвития.

Случай из практики

По рекомендации моего коллеги на консультацию пришел молодой человек Мовсар из числа среднего медицинского персонала системы здравоохранения республики. На тот момент ему было 20 лет. Он четко обозначил свой запрос для психотерапии и подробно рассказал историю своей жизни.

Большую часть своей жизни парень прожил с родителями за пределами Ингушетии, там же получил первое медицинское образование. Мовсар был подростком, когда его родители развелись. Тогда мать взяла трехлетнюю дочь и уехала на Кавказ к своим родителям. Сыновья (Мовсар и его старший брат) остались с отцом. Это был строгий, авторитарный человек, в прошлом сотрудник МВД, воспитывавший своих сыновей в духе военной муштры. По большей части мальчик был один: отец уходил пить или приглашал к себе свою компанию.

Брат жил со своей сокурсницей в студенческом общежитии. Отец сердился на старшего сына и наказывал младшего. Со слов клиента стало известно, что его спина не отходила от синяков, она всегда была практически фиолетового цвета. «Когда отец избивал меня, я выходил на улицу, смотрел на небо и просил Всевышнего, чтобы когда-нибудь это закончилось», – говорит Мовсар. Затем он показал свои руки и добавил: «У меня все пальцы сломаны, шлангом бил, говорил: „Выпрямляй свой почерк“». Мовсар сильно заикается с 1-го класса. «Я не мог ни слова произнести...»

Мальчика много раз посещала мысль убить отца, он даже нож специально для этого натачил. Но каждый раз не решался, так как не был уверен в том, что тот крепко заснул.

Отец постоянно настраивал детей против матери, все время повторял, что она их бросила. Три года назад он отправил сына учиться к бабушке. В это же время к ней приехала и его сестра. Через некоторое время она отправилась к своей матери и забрала с собой Мовсара.

Из анамнеза: За убийство отец Мовсара провел в местах лишения свободы шесть лет. В настоящее время он требует от сына энную сумму денег, долю в своем доме или документы от нотариуса об отказе от имущества.

Целый час рассказывал Мовсар историю своей жизни и внезапно замолчал. Специалисты, работающие с жертвами насилия [6], отмечают, что важно отличать вынужденное молчание от добровольного. Зная, насколько тяжелой для нас обоих может быть эта пауза, я призналась Мовсару, что потрясена этой историей, и выразила свою надежду на нашу плодотворную совместную работу. Мое признание позволило ему справиться с тревогой. Молодой человек произнес: «Вы не расстраивайтесь! Я уже привык».

Проявляя в детстве заботу о родных и близких, Мовсар, вероятно, утратил способность обращать внимание на свое собственное психологическое благополучие. Не случайно парень выбрал работу в красной зоне системы здравоохранения, а затем и профессию психолога. Мовсар смирился с чувством безвыходности и разочарования [7] и воспринимал себя в любой ситуации только в качестве жертвы. Дети, пережившие психотравму, как правило, подавляют свои потребности, и это значит, что они, выросшие, плачут на приеме у психолога, вспоминая отца, испытывая ненависть к нему, ощущая свое бессилие перед ним, уже состарившимся.

У Мовсара никогда не было защиты. Мир для мальчика всегда был предельно опасным и угрожающим. Опасным был самый близкий человек – отец. С первой нашей встречи настало время проработать синдром спасателя, вечной незащищенности, перманентного страдания, который сопровождал молодого человека с малых лет. Чтобы сформировать новую парадигму жизни, Мовсару надо было пережить все, что он чувствовал, на бумаге, холсте, в мастерской, в кабинете психолога. Необходимо было продолжить жить, чтобы действительно остаться живым.

Дж. Херман [8], изучив травматический опыт жертв насилия, отметил, что им свойственно сдерживать собственную инициативность, которая впоследствии становится причиной неуверенности человека в персональной компетентности. Даже тогда, когда отец бьет мальчика, ребенок мечтает о том, чтобы родитель любил его. И этой любви «...следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца» [9, С. 136].

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Мовсара нарушенные взаимоотношения с отцом и старшим братом, страхи, повышенная тревожность, низкая самооценка, неуверенность, потребность в эмоциональной поддержке родных и близких, логоневроз, ПТСР.

Мовсар много лет страдал от физического и эмоционального насилия отца. Чувства вины, безысходности, отчаяния, уныния, связанные с пережитым деспотизмом, были веской преградой для нашей терапевтической работы с клиентом и требовали от специалиста предельной осторожности и такта по отношению к его эмоциональной сфере. Анализ профессиональной литературы и признания жертв насилия подтверждают эту закономерность [10, 11, 12, 13, 14]. Острые семейные конфликты в семье Мовсара сопровождались синдромом отчуждения родителя (PAS, Parental Alienation Syndrome). Наш клиент, будучи отдаленным от матери, проявлял к ней ненависть, гнев, агрессию, потому что алиенатор формировал у мальчика негативный образ матери. Подобное отчуждение всегда сопровождается запугиванием, программированием детей. Этот феномен называется психологическим индуцированием ребенка и является одним из ключевых симптомов PAS (Parental Alienation Syndrome). Мальчик повторял слова и выражения отца, дублировал модели родительской агрессии и выражал желание никогда не встречаться с матерью.

В то же время подросток переживал конфликт лояльности, который выражался как в психосоматическом проявлении (невроз), так и в виде психологических реакций (школьная неуспеваемость, суицидальные тенденции, скованность, неуверенность). У Мовсара была вытеснена эмоциональная связь с матерью, разрушен опыт полного слияния с самым первым в жизни человеком. Мальчик был лишен чувства защиты и безопасности, безусловной любви и принятия, а в качестве компенсации и возможности для выживания ему были предложены ненависть и отрицание отчужденной матери. К сожалению, проблема семейного киднеппинга крайне актуальна в современном обществе и к тому же еще не сформулирована.

Для матери была характерна забота и влияние на судьбу сына, а с другой стороны – уходы из дома, которые вселяли в сына сильный страх и тревогу. Отношения с отцом Мовсар чувствовал как дистанцированные и больше угрожающие, так как в периоды его запоя он осуждал его за прерывание детско-материнских отношений. Такое поведение отца могло активизировать проявление привязанности к матери и желание физической и эмоциональной близости с ней. Однако мать была для Мовсара недоступна, и при переживании крайне сильного страха удовлетворить базовую потребность в привязанности мальчику было невозможно [15]. А нарушение привязанности – всегда травмирующая ситуация.

Вероятно, мать Мовсара сама подвергалась со стороны своего отца издевательствам, поэтому иметь мужа-алкоголика было для нее долгое время явлением нормальным и привычным.

«В подростковом возрасте мои прежде нейтральные, а иногда и противоречивые чувства к отцу переросли в жгучую ненависть. Я его не просто больше не любил. Мне было отвратительно все – и он сам, и его поведение, – в общем, я страшно его возненавидел. Я не мог никого пригласить к себе домой. Занятия в медицинском колледже заканчивались в обед, иногда после обеда, но я ехал домой поздно вечером на последнем автобусе. Дома было невыносимо. Никто, за исключением ближайших соседей, не знал, что мой отец пьет. Я никогда не мог предугадать, какое действие совершит этот безумец. Меня ни на мгновение не покидал страх, что в любой

момент он перестреляет нас. Я полностью отстранился от него и решил стать полной его противоположностью – всегда, когда мог это осознать», – с сильнейшим заиканием рассказывал на одной из консультаций Мовсар.

Психосоматика заикания заключается в том, что мозг получает одновременно два совершенно противоположных послания «говори» и «молчи». Если ребенка в семье игнорируют, подавляют, он начинает думать о том, как ему лучше поступить, стоит ли произносить слова и целые фразы, выслушают ли его взрослые или нет. Но жизнь устроена так, что говорить все-таки надо, невозможно все время безмолвствовать. Авторитарный отец не позволял ребенку проявить себя. Мальчик начинал разговаривать и сразу же останавливался, прерывал себя сам.

Можно привести множество примеров психосоматики заикания. Над ребенком висит конфликт: «можно сказать – нельзя сказать», «я сказал то, что не должен был говорить, и теперь я уверен, что лучше молчать», «говорить нельзя – говорить нужно». Такой внутриличностный конфликт приводит к заиканию. Если к заиканию привела какая-то отдельная ситуация, то терапевт вместе с клиентом прорабатывают именно ее. А в данном случае речь шла о жизни человека в целом. И поэтому мы должны были трансформировать установки, принципы, убеждения, модели поведения клиента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.